

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 146—157.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 146—157.

Научная статья

УДК 17:004

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-146-157

<https://elibrary.ru/jyohbe>

Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ (часть 2)

Н. Н. Равочкин^{1, 2}

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

² Кузбасский государственный аграрный университет им. В. Н. Полецкого,
г. Кемерово, Россия

^{1, 2} nickravochkin@mail.ru

Аннотация. С позиции философии автор рассматривает трансформацию этического инструментария в реалиях цифровизации. Анализируются особенности изменений в восприятии категорий добра и зла под влиянием процессов дигитализации. Выявлены основные маркеры и тренды, негативным образом сказывающиеся на социальной ткани. Приведены эффекты цифровизации, ограничивающие полноценное бытие личности. Определено влияние виртуальной реальности на изменения структуры личности по сферам. Выявлены риски и угрозы избытка информации.

Ключевые слова: цифровизация, этика, общество, зло, информация, человек, нравственность, коммуникация

Для цитирования: Равочкин Н. Н. Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ (ч. 2) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 146—157. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-146-157> EDN: JYOHBE.

Original article

Transformation of ethical instruments in the digitalization age: Philosophical analysis (part 2)

N. N. Ravochkin^{1, 2}

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

² Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov, Kemerovo, Russia

^{1, 2} nickravochkin@mail.ru

© Равочкин Н. Н.

Abstract. In this work, the author considers from the standpoint of philosophy the transformation of ethical instruments in the realities of digitalization. The features of changes in the perception of categories of good and evil under the influence of digitalization processes are analyzed. The main markers and trends that negatively affect the social fabric are identified. The effects of digitalization that limit the full-fledged existence of the individual are given. The virtual reality impact on changes in the structure of personality by spheres is determined. The risks and threats of information overload have been identified.

Keywords: digitalization, ethics, society, evil, information, human, morality, communication

For citation: Ravochkin N. N. "Transformation of Ethical Instruments in the Digitalization Age: Philosophical Analysis (pt. 2)". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 146—157. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-146-157> EDN: JYOHBE.

Современные исследователи сходятся во мнении, что под влиянием цифровизации подвергаются изменениям, прежде всего, моральные установки. Формируются пороки, не характерные для человека, который есть неотъемлемая часть общества, вовлечен в систему социальных взаимодействий, а социальное одобрение или осуждение регулирует его поведение. Ценностями современного цифрового мира, отмечает Э. М. Молчан, являются информация и материальные блага [6, с. 59], т. е. в виртуальном мире превалируют мнимые ценности, не отвечающие реальным потребностям личности и общества. Иными словами, под влиянием цифровизации утрачивается осознанность смысла бытия, в результате личность становится объектом манипуляций. Превращение информации в абсолютную ценность нивелирует значимость ценностей взаимодействия, таких как сотрудничество, сострадание, соотвествующих аксиологеме добра. Под аксиологемой автор настоящей статьи вслед за Ю. О. Татаринцевой понимает ценностный принцип, лежащий в основе культуры [11, с. 5].

Понятие добра остается нравственным императивом, независимо от социальных преобразований, и означает «безусловное требование человечности, которое не может быть разменено на какие бы то ни было индивидуальные и групповые

выгоды» (А. А. Гусейнов) [13, с. 164]. Понятие добра включает: совершенство и эмоциональное одобрение предмета; ценность и полезность предмета для человека; нравственные качества [13, с. 163]. Под злом понимается «все, что оказывает разрушающее воздействие на человека в его природных и общественных проявлениях <...> отождествляется с жизнеотрицанием. <...> Различают зло физическое (болезни, стихийные бедствия и т. п.), социальное (войны, экономические кризисы, др. общественные катаклизмы) и моральное (жестокость, коварство и др. пороки)» (А. А. Гусейнов) [13, с. 190].

К проявлению зла сегодня целесообразно отнести риск утраты личностью собственной идентичности, самобытности: «Современные информационные технологии, являясь уже неотъемлемой частью жизни социума, оказывают существенное влияние на бытие отдельного человека, — констатирует И. А. Зевелева. — С развитием новых информационных технологий происходит размывание границ между машиной и человеком, существенно усиливаются противоречия между идентичностью человека, его самобытностью, уникальностью, с одной стороны, и процессами унификации и глобализации в мире — с другой» [3, с. 246]. Иными словами, под влиянием цифровизации возникают риски утраты «человеческого

в человеке», изоляции личности от системы социальных взаимодействий и полного погружения в виртуальный мир, превращения в цифровую маску, стирания границ между реальным человеком и его проекцией в киберпространстве, грани поведения личности в виртуальном и реальном мире. Как отмечают Н. В. Осинцева и И. А. Муратова, этический кодекс поведения в виртуальном пространстве отсутствует, а анонимность пользователей не способствует ответственности за выбор поведенческих стратегий, так формируется почва для этического кризиса в обществе [8, с. 173].

В условиях изолированности, отсутствия погружения в систему социальных взаимодействий этические нормы поведения человека трансформируются. Многие ученые подчеркивают доступность информации о трагедиях, катастрофах, что существенно меняет диапазон толерантности индивида к насилию, а это, делают вывод Н. В. Осинцева и И. А. Муратова, «в свою очередь, может привести к хладнокровию, черствости, утрате способности сопереживания» [8, с. 174].

Вседозволенность анонимных коммуникантов в виртуальном пространстве сопровождается размыванием идентичности, нарушением законов нравственности; соответственно, обратной стороной виртуализации, по утверждению С. И. Некрасова с соавторами, является «...утрата духовно-нравственных ценностей реальной действительности в сознании и жизни человека (от ценностей добра уход в мир зла, демонизация игровой деятельности, и, наконец, полное уничтожение нравственных норм)» [9, с. 8].

Острейшей проблемой технизированного общества становится «кризис идентификации»: «...Современный мир, — продолжают С. И. Некрасов с соавторами, — рушится не только на макроуровне, но и на уровне микросвязей и отношений, групповой человек ощущает себя оторванным от общих структур, теряет себя, чувствуя

одинокость и свою исключительность без своего этноса, одновременно заставляя отождествлять себя с лицами и группами, интересы которых расходятся с его собственными интересами» [9, с. 6]. Проблемы с идентификацией трансформируют стиль жизни индивида. В последующем это влечет за собой изменение ценностных ориентаций, которые отныне не совпадают с внутренними потребностями личности, ее интенциями и ожиданиями, языком и традиционными ментальными кодами. При выборе стратегий поведения человек начинает руководствоваться чуждыми ему моральными установками, навязанными извне.

Человек становится запрограммированным, поскольку попадает в сетевой оборот, отныне выступая его неотъемлемым элементом, он «начинает жить в знаково-символическом мире, т. е. не только он создает знаки и символы, но и знаки и символы формируют человека, что ведет к смешению реального и виртуального, действительного и вымышленного» [9, с. 4]. Оторванность от природы и других людей отражается на психоэмоциональном состоянии: исследователь О. А. Гринева отмечает «общее ухудшение самочувствия, ухудшение настроения, снижение активности» [2, с. 69].

Тенденция к росту числа психических расстройств в обществе может быть преодолена лишь посредством развития критического мышления в дискуссионной форме взаимодействия, с одной стороны, и через физическую активность — с другой. Безусловно, внедрение ИКТ во все аспекты жизнедеятельности дает возможность дискуссионных форм взаимодействия и работы в коллективе в виртуальном пространстве, что способствует критическому мышлению. Вместе с тем интенсивные темпы дигитализации, разнообразие источников информирования не способствуют формированию критического мышления. Более того, информационные технологии оказывают

негативное воздействие на развитие воли: речь идет, уточняет Е. В. Петрова, о желании укрыться в виртуальном пространстве от гнетущих чувств, нерешенных проблем, ощущении своей ненужности, никчемности вне круга общественных групп [10].

Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что ограничение творческого потенциала личности делает невозможной саму реализацию добра: подавляются волевые качества, что снижает активность личности, делает ее пассивным наблюдателем, а следовательно, личность уже не способна к добру как конструктивному, социально одобряемому действию. Как отмечают С. И. Некрасов с соавторами, «главный недостаток современных информационных технологий заключается в ограничении и даже подавлении творческого потенциала человека (ограничивает заинтересованность в обучении, перегружает психику, требует правовых ограничений объема и содержания информации) и волевых качеств человека» [9, с. 8]. Подвергается изменению понятие творческого потенциала личности, которое всё чаще ассоциируется с потенциалом информационным, приобретает черты обезличенного искусственного интеллекта. По мнению В. Вольперта, приводимому А. Д. Иоселиани, «...компьютеры негативно влияют на психику и творческие способности людей, они вызывают серьезные психофизические отклонения, бьют жизненной активностью человека и разрушают его творческий характер» [4, с. 118]. Иными словами, творчество жизни подменяется информационной активностью.

«Информационный человек» не развивается как полноценная личность, так как утрачивает потребность даже в непосредственном повседневном контактировании. Более того, виртуальное измерение бытия не требует стремления к морали, мотивации к саморазвитию. В социальной среде, продолжает А. Д. Иоселиани, человек общается, испытывает чувства, определяет свое Я,

личность проходит через сложные преобразования [4, с. 117]. Однако у «человека информационного» реальное общение, взаимодействие с людьми вызывает неудовлетворенность, раздражение, формируется навязчивая потребность в сети — в путешествии в виртуальных мирах: «Современный человек изучает реальность, активно используя технологии, которые обладают огромным потенциалом, но вместе с тем они загоняют людей в рабство» [4, с. 117], увеличивается риск зависимости от виртуальной реальности.

Исследователи подчеркивают, что под влиянием цифровизации трансформируются уровни личностной сферы.

1. Коммуникативная личностная сфера современного человека отличается технологическими навыками взаимодействия в виртуальном коммуникативном пространстве, умением вести диалог. Однако культура общения в сети отличается от таковой в реальной жизни. При доминировании интернет-коммуникаций страдают социальные связи, не развивается умение налаживать взаимоотношения.

2. Аффективная личностная сфера отражает самость: речь идет о потребности перейти в виртуальный мир, замкнуться в себе, что, как упоминалось выше, обусловлено неуверенностью в своих силах, остановкой в развитии личности.

3. Ценностно-мотивационная личностная сфера в динамике характеризуется поиском нового в условиях регулярной ревизии ценностей [6, с. 57].

Несмотря на то что для современного пользователя сети характерны нацеленность на успех, только в проекции на ближайшую перспективу такой человек осознает значимость собственного Я. Другими словами, утрачивается видение будущего, отсутствует планирование своей жизни, человек начинает жить текущим моментом, им ограничиваются цели, на достижение которых может быть направлена жизнедеятельность. Как отмечал З. Бжезинский, фокусировка на

моменте «здесь и сейчас», практически полное игнорирование духовных ценностей, примат материального благополучия — всё это сегодня воспроизводится конsumerистскими практиками, кроме того, добавляет О. А. Гринева, «...темпы экономического роста уже не могут больше удовлетворять растущие материальные потребности, которые стимулируются культурой, на первое место ставящей потребление. Не будет преувеличением утверждение, что в наиболее сознательных кругах западного общества начинает ощущаться чувство исторической тревоги и, возможно, даже пессимизма» [2, с. 51]. В западноевропейской научной литературе всё чаще высказываются пессимистические прогнозы относительно дальнейшего развития глобального социума.

Распространение мультимедийных технологий, арт-лабораторий, коммуникативных стандартов выдвигает качественно новые требования к личностному аспекту компетентности работника. Иными словами, интенсивность процессов цифровизации, ускорение темпов жизнедеятельности ставит население перед проблемой адаптации к новой социокультурной реальности, что приводит к маргинализации: часть населения исключается из системы социальных взаимодействий, она распадается. Множество виртуальных информационных миров создает хаос в системе отношений, что характеризует «постинформационный мир» как «...мир хаоса, поверхностных, а не глубоких идей и смыслов, отсутствие четких ориентиров, авторитетов, неопределенности целей и направлений, мир масок и иронии» [2, с. 52].

Аксиологемы, которые действуют в виртуальном пространстве, могут существенно отличаться от контекста ценностей, многие годы формировавшегося старшим поколением. По словам Н. В. Осинцевой и И. А. Муратовой, цифровизация влечет за собой риск разрыва между поколениями: «Если фундаментальные аспекты восприятия

мира у будущего поколения изменятся, то может возникнуть между поколениями аксиологическое непонимание, а это чревато внутренней социальной нестабильностью» [8, с. 174]. Дестабилизирующие, стратификационные процессы в обществе автор данной статьи относит к социальным проявлениям зла, составляющим характеристику «постинформационного общества». Это инфодемия, информационный шум, т. е. наличие многочисленных источников непрерывного информирования целевой аудитории о тех или иных событиях, процессах. При этом транслируемая информация, освещение одних и тех же явлений, событий в разных источниках может кардинально отличаться. Простые и надежные способы фильтрации информационного «беспорядка», констатирует Е. В. Петрова, пока не выработаны [10].

Сложившаяся ситуация делает возможной манипуляцию общественным сознанием. Основным источником манипуляций сегодня являются традиционные и инновационные, новые медиа. Основным моральным и социальным проявлением зла становится ложь — «искаженное отражение действительности, такое познавательное содержание, которое не соответствует объективной природе вещей» (И. Е. Задорожнюк) [13, с. 295]. В результате меняется аксиологическая ориентация социума, механизмы эволюции культуры теряют прочность.

Избыток информации, «информационный шум» затрудняет понимание, адекватное суждение о конкретной социальной ситуации, поведении личности в ней. Для правильной ориентации в такой социокультурной реальности от личности требуется высокий уровень сформированности важнейших социальных и профессиональных компетенций, личностных качеств, включая критическое и креативное мышление. Далеко не каждый способен сегодня успешно адаптироваться к столь глубоким и быстрым трансформациям [5]. Поэтому киберпространство

становится средством управления сознанием и поведением других, поскольку, по убеждению С. И. Некрасова с соавторами, «...те люди, которые не способны сами управлять своим поведением, неизбежно попадают под власть других и становятся проводником чужой воли, заставляя людей осуществлять запрограммированные действия» [9, с. 5]. С этой точки зрения современные источники СМИ и сети Интернет, альтернативные государственным, являются своеобразным средством подавления воли и свободы человека, лишая его возможностей выбора по причине отсутствия объективной медиаинформации, насаждают ценности, не соответствующие традиционным аксиологемам. Принимая во внимание понятие зла, тенденцию наращивания децентрализованных источников информации в виртуальном пространстве можно рассматривать как инновационные средства реализации традиционной функции зла — лишение человека свободы выбора. Как полагают С. И. Некрасов с соавторами, «если Мефистофель предлагал человеку продать свою душу и у него была возможность выбора, то Интернет не дает такого права выбора человеку, захватывая не только разум, но и душу человека. Поэтому Интернет в современном мире выступает в роли Сатаны, который бесследно захватывает внутренний мир человека» [9, с. 5]. Чтобы сохранить оппозиции «ложь — истина», «добро — зло», систему ценностных координат, в которой мог ориентироваться человек традиционного общества, требуется доступ к результатам научного познания. В СССР эту функцию выполняли научно-популярные журналы и медиа.

Тесно связан с проблемой манипуляций общественным сознанием на основании презентации ложной, не отвечающей действительности информации факт утаивания тех или иных данных, сведений, актуальных для принятия решений, способных повлиять на выбор поведенческих стратегий. Как полагает О. А. Гринева,

«важнейшей опасностью, угрозой существования общества станет утаивание информации и злоупотребление ею, манипулирование сознанием людей (даже с точки зрения высшей цели), а также использование человека, его тела и психики в качестве средства, а не в качестве цели» [2, с. 51]. По сути, обусловленное цифровизацией восприятие информации и материальных благ как ценности может стать причиной утраты смысла жизни, всего того, что делает человека человеком. ИКТ рассматриваются философами-пессимистами как инструмент порабощения личности, лишения ее творческого потенциала, что усиливает желание избежать виртуальных взаимодействий, повышает степень недоверия к источникам информирования, поскольку человек чувствует угрозу быть обманутым. Недоверие общедоступной социальной медиаинформации сопровождается стратификацией общества, расслоением на группы в системе виртуальных коммуникаций.

Публичные скандалы, в которых обсуждаются ведущие деятели современности, являются источником недостоверной информации и средством политической борьбы. Сегодня любой пользователь интернета имеет возможность получить информацию о деятельности того или иного политика, певца, лидера мнений. Эта информация часто намеренно используется для создания негативного образа личности, для нивелирования авторитета. При этом, необходимо повторить, она открыта и доступна. В результате общество теряет такую ценность, как коллективизм, и следование за лидером более не является ведущим ориентиром в жизни и деятельности.

В целом, интенсивность процессов цифровизации, ее влияния на человека вызывает опасения: «...Наша традиционная культура будет сметена с лица земли, подобно тому, как это произошло в шестнадцатом веке со схоластикой» [2 с. 71; 5]. То, что в традиционном обществе обладало выраженной

позитивной / негативной оценочностью, сегодня подвергается переосмыслению, может быть рассмотрено с разных позиций, причем, принимая во внимание количество недостоверной информации, не только может, но и должно поддаваться сомнению (М. Маклюэн) [5].

Принимая во внимание трансформацию этического инструментария категории зла, следует отметить, что наибольшие опасения вызывает у мыслителей именно влияние деструктивной деятельности на моральные устои. Большая часть исследователей-пессимистов полагает, что изолированность личности от природы и общества сопровождается утратой «человеческого в человеке», утратой тех качеств, которые лежали в основе системы социальных взаимодействий: искренности, доверительности в общении, умения сочувствовать, сопереживать. Виртуальное пространство меняет социокультурную реальность, этические нормы. Формирование новых ценностей виртуального анонимного взаимодействия может вступать в противоречие с ценностями традиционного общества. Более того, сами ценности, созданные культурой потребления и транслируемые в виртуальном пространстве, не отвечают духовным потребностям личности. Отсутствие живой формы общения, с ее ценностями, не способствует интериоризации, а следовательно, и порядку. Человек лишается личностно значимых интенций, придающих смысл бытию, и личностного развития.

Свобода, которую, по мнению философ-оптимистов, должны принести технологии, на практике приводит к порабощению человека техническими средствами. Зависимый от технологий человек полностью утрачивает активность в конструктивной деятельности, стремление к добру, его творческий потенциал подменяется реализацией потребности в информации. В обществе преобладает тенденция к установлению краткосрочных связей, конфликтам,

обособлению как отдельного человека, так и группы [10].

В целом, подводя итог деструктивному следствию развития цифровизации, отметим факт переосмысления базовых этических аксиом, основанных на ценностных ориентирах, что приводит к существенным изменениям всех аспектов жизнедеятельности, социокультурной реальности и самого человека. Ценностные ориентиры свойственны ментальности, а «традиционный русский эквивалент ментальности — духовность — указывает на тяготение русской ментальности к области этики», — пишет Т. В. Романова [11, с. 5].

Принимая во внимание трансформацию этического инструментария категории добра под влиянием цифровизации, ИКТ, следует прежде всего отметить формирование новых личностных качеств: креативность, смелость, инициативность, готовность принимать решения и брать на себя ответственность за них, — так как эти качества соответствуют добродетели. В трактовке понятия добродетели выделим следующее: «Готовность и способность личности сознательно и твердо следовать добру. <...> Добродетель можно определить как явленность морали в индивидуе, мораль, ставшую мотивацией поведения» (А. А. Гусейнов) [13, с. 164]. Важно подчеркнуть, что указанные моральные качества являются добрыми, социально одобряемыми именно на современном этапе исторического развития глобального социума, если понимать под добром конструктивную деятельность, социально одобряемую, и моральные качества, которые способствуют выбору вида и средств конструктивной деятельности. Еще в XX в. в отдельных странах в большей степени ценились качества исполнительности, умение беспрекословно следовать указаниям.

Аналогичной трансформации подвергается оценивание, понимание качества искренности во взаимодействиях между людьми. В традиционном обществе искренность

являлась условием доверительного взаимодействия между коммуникантами. Сегодня ценность искренности уступает ценности критического и креативного мышления, которое позволяет человеку адекватно оценивать данные, представленные в сети, защищает от манипуляций. Необходимо подчеркнуть, что в целом интернет оказывает влияние на становление «клипового мышления», отличительной чертой которого является скорость обработки информации и принятия решений.

Информационные ресурсы удовлетворяют познавательные потребности личности, обеспечивают создание сообществ по интересам, взаимодействие в профессиональном сообществе. ИКТ в целом выступают важным инструментом образования, профессионального развития и саморазвития. Саморазвитие требует от личности самостоятельности и контроля над сферами жизнедеятельности, что в современном обществе является ценностью, составляющей аксиологему добра.

Целью цифровизации является улучшение жизни человека, помимо прочего, за счет получения новых навыков и профессий с использованием прогрессивных технологий и трансформации базовых направлений жизни человека, и прежде всего здравоохранения. Цифровая трансформация в социальной сфере направлена на развитие искусства, сохранение норм морали, активности старшего поколения. В соответствии с идеалами добра в умах мыслителей, представителем общества будущего является человек, не страдающий от физических недугов, обладающий высокой нравственностью, мотивацией к реализации творчества, свободный от необходимости тяжелого физического труда, выполнения рутинных обязанностей; человек-долгожитель, который посвятил свою жизнь добру: творчеству, науке, искусству, служению обществу, который в выборе своего пути руководствуется нормами морали.

Философы-оптимисты видят общество как организацию свободных творческих людей, которые обладают высоким уровнем интеллекта, в процессе выбора руководствуются нормами морали, продуктивность и производительность их деятельности обусловлена творческой активностью, поскольку выполнение рутинных обязанностей механизировано технологиями цифровизации.

Под влиянием цифровизации подвергается трансформации и проявление категории зла. В философии зло определяется как оценочное понятие, отражающее деструктивные действия. Влияние цифровизации преимущественно приводит к изменениям социального и морального зла. К моральному злу сегодня отнесем утрату потребности в непосредственной коммуникации, в саморазвитии, зависимость личности от ИКТ, растворение личностного в виртуальном, обезличивание, духовную нищету [5]. Зависимость от виртуального пространства сопровождается невозможностью проявления волевых усилий, что также делает невозможным реализацию добра, классическое определение которого предполагает сознательный выбор социально одобряемой, конструктивной деятельности. Представленность личности одновременно в реальной и виртуальной действительности сопровождается повышением нагрузки на психику, что отражается на взаимоотношениях с окружающими. Влияние техники, науки на трансформацию личности ярко описано Н. Бердяевым, который подчеркивал: «Машина и техника наносят страшные поражения душевной жизни человека, и прежде всего жизни эмоциональной, человеческим чувствам. Душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации. <...> Сердце с трудом выносит прикосновение холодного металла, оно не может жить в металлической среде» [1, с. 513]. Иными словами, в условиях цифровизации отмечается утрата «человеческого в человеке».

Социальное зло характерно для общества, лишенного гуманизма, следствием чего может стать разрушение человеческой природы и самого общества, стиля жизни современного человека. Упорядоченность традиционного общества подменяется хаосом «постинформационного»: быстро меняются идеи, ориентиры, ценности, нет глубины и искренности переживаний, эмоций, чувств. К сожалению, свобода, которая традиционно воспринимается как добро, как источник получения энергии, преодоления зависимостей, как источник личностного развития, сегодня теряет свою изначальную ценность, так как сопровождается часто произвольным, беспорядочным, — сопровождается явлениями хаоса, социального зла. Иными словами, свобода в восприятии ее современным обществом может быть источником не только добра, но и зла — неупорядоченности общественных отношений и внутреннего мира человека. Причиной этому служит воздействие на ум и сознание человека культуры потребления, ее ценности не способны направлять развитие человека, стимулировать его к актуализации творческого потенциала. «Потребление материальных благ, — наставляет Ю. О. Татаринцева, — должно быть не целью и смыслом жизни человека, а всего лишь средством его творческой самореализации и удовлетворения духовных потребностей» [12, с. 69]. Как следствие такой подмены целей, возникают проблемы с идентификацией, которые сопровождаются разрывом взаимосвязей на макро- и микроуровнях, становятся причиной отмеченной А. В. Нероновым и М. Ю. Нероновой «тенденции к возникновению все большего количества неустойчивых (незавершенных) идентичностей» [7, с. 81]. Вектор идентификации смещается на практику потребления, взаимосвязей — на удовлетворение потребностей. Восприятие творческого потенциала чаще сводится к информационной, цифровой сфере его приложения, что делает невозможным

преобразование сферы культуры общения. В сети Интернет человек волен освободить себя от влияния коллективных факторов социализации в сфере образования и воспитания. Однако смещение вектора коллективного творчества на конструктивное преобразование собственной жизни является добром в современной трансформации его понимания.

В результате анализа теоретических источников выявлено, что чрезмерное использование ИКТ может привести к психофизиологическим отклонениям. Более того, киберпространство сегодня подменяет объективно существующую реальность, становится информационной средой, в которой протекает основная часть жизни человека. Это киберпространство может использоваться отдельными акторами как инструмент сознательной манипуляции общественным сознанием, создания образа ложной среды посредством репрезентации окружающей социокультурной среды. Навязанные ценности, аксиологемы в медиасреде становятся новым инструментом реализации традиционной функции зла — функции лишения человека свободы выбора. Иными словами, трансформации подвергаются инструменты осуществления морального и социального зла, а не сама категория зла.

Итак, восприятие влияния цифровизации на трансформацию этического инструментария добра и зла сегодня остается противоречивым: ИКТ одновременно рассматриваются как средство конструктивной деятельности, т. е. инструмент добра, и как средство манипулирования, т. е. инструмент зла. Как полагают С. И. Некрасов с соавторами, современные ИКТ могут «служить совершенствованию человека и содействовать упрочению гуманизма» или же «укреплять отчуждающую тенденцию, подчинив человека новой социальной среде» [9, с. 6]. В данном аспекте современная эпоха мало отличается от предыдущих, подведение итогов развития науки и техники характеризуется

формированием кардинально противоположных мнений среди философов. Если философы-оптимисты полагают, что человек, избавленный от необходимости реализации тяжелых, рутинных обязанностей, имеющий любую необходимую ему информацию, получает свободу, то философы-пессимисты, наоборот, подчеркивают, что средства информирования поработают личность, поскольку лишают ее свободы выбора, а отсутствие необходимости осуществлять физическую работу приводит к утрате активности, не способствует волевому преодолению трудностей.

Можно сделать вывод, что сегодня меняется не сущность категорий добра и зла, но особенности их проявления и инструменты реализации. Кроме того, современный постинформационный мир отличается размытие оппозиций «добро — зло», «истина — ложь». Поэтому сложно однозначно идентифицировать поступки, действия как добрые, конструктивные или злые, деструктивные. Большая часть проблем этического характера рассматривается с разных, иногда кардинально противоположных точек зрения, поэтому трактовка базовых категорий этического усложняется, становится неоднозначной. Виртуальная культура современности сопровождается формированием аксиологем, не совпадающих с ценностями, которыми руководствовались предыдущие и последующие поколения, что может привести к усилению стратификации общества, его расслоению, отсутствию преемственности между поколениями. Так расшатывается восприятие категорий добра и зла.

Изолированность личности от общества, исключенность из системы социальных отношений в виртуальной реальности — в совокупности с увеличением новостных сообщений о трагедиях — может сопровождаться трансформацией толерантности к насилию. Государство теряет возможность контролировать этические нормы

и принципы гражданского общества в условиях воздействия многочисленных факторов, влияющих на потребителя информации в сети Интернет и СМИ и не способствующих здоровой идентификации личности относительно этических категорий добра и зла.

Однако цифровизация может рассматриваться и как инструмент достижения социальной справедливости — в плане интеграции в систему производственных и социальных процессов тех людей, которые ранее были лишены такой возможности, а также в плане повышения равноправия между социальными категориями граждан. В данном аспекте ИКТ целесообразно рассматривать как средство реализации добра.

Список литературы и источников

1. **Бердяев Н. А.** Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство: Лига, 1994. 542 с.
2. **Гринева О. А.** Трансформация человеческого бытия в условиях современного информационного общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2017. 154 с.
3. **Зевелева И. А.** К проблеме идентичности человека в информационном обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 1 (22). С. 245—250. EDN: YNVZZL.
4. **Иоселиани А. Д.** Особенности повседневной жизни человека в цифровом мире // Мanuscript. 2020. Т. 13. № 4. С. 115—119. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.23> EDN: VYMWIU.
5. **Маклюэн М.** Галактика Гуттенберга: сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев: Ника-центр, 2003. 432 с. (Сдвиг парадигмы).
6. **Молчан Э. М.** Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей

- субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 55—66. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-2-55-66> EDN: ZCVCQV.
7. **Неронов А. В., Неронова М. Ю.** Особенности и проблемы идентификации личности в современном мире // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14. № 3. С. 74—91. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-74-91> EDN: AXOGLS.
 8. **Осинцева Н. В., Муратова И. А.** Трансформация этических ценностей в условиях развития цифровых технологий // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 1. С. 171—175. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.35> EDN: TOVBUT.
 9. От «человека информационного» к «человеку цифровому» / А. С. Некрасов, С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова, В. В. Клепацкий // Вестник Университета Российской академии образования. 2019. № 3. С. 4—10. EDN: LIQTUO.
 10. **Петрова Е. В.** Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М.: ИФРАН, 2014. 135 с.
 11. **Романова Т. В.** Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. 120 с. EDN: GIAJRO.
 12. **Татаринцева Ю. О.** Культура потребления как социологическая категория // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. Т. 2. № 3 (7). С. 66—70. EDN: XBOGUP.
 13. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
 2. Grineva O. A. *Transformation of Human Existence under Conditions of Present-Day Knowledge Society: Socio-Philosophical Analysis*: diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Krasnoyarsk, 2017. 154 p. (In Russian).
 3. Zeveleva I. A. “To the Problem of the Person Identity in the Information Society”. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University ser. Economy. Sociology. Management* 7.1 (22) (2017): 245—250. (In Russian).
 4. Ioseliani A. D. “Specificity of Human Everyday Life in the Digital World”. *Manuskript = Manuscript* 13.4 (2020): 115—119. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.23>
 5. McLuhan Marshall. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962 p. 294 p.
 6. Molchan E. M. “The Impact of Digitalization on the Formation of Spiritual and Moral Values of the Subjects of Interaction in Global Age”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki = Bulletin of Moscow Region State University ser. Philosophy* 2 (2019): 55—65. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-2-55-66>
 7. Neronov A. V., Neronova M. Yu. “Peculiarities and Problems of Personality Identification in the Modern World”. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem = Modern Studies of Social Issues* 14.3 (2022): 74—91. (In Russian). <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-74-91>
 8. Osintseva N. V., Muratova I. A. “Transformation of Ethical Values under the Conditions of Digital Technologies Development”. *Manuskript = Manuscript* 13.1 (2020): 171—175. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.35>
 9. Nekrasov A. S., Nekrasov S. I., Nekrasova N. A., Klepatsky V. V. “From the ‘Information Man’ to the ‘Digital Man’”. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* 3 (2019): 4—10. (In Russian).

References

10. Petrova E. V. *Human in Information Environment: Socio-Cultural Aspect*. Moscow: Institute of Philosophy of RAS, 2014. 135 p. (In Russian).
11. Romanova T. V. *Ideologemes and Axiologemes of Russian Linguistic Consciousness as Reflections of Constants and Dynamics of National Mindset*: monograph. Nizhny Novgorod: DEKOM, 2019. 120 p. (In Russian).
12. Tatarintseva Yu. O. "Culture of Consumption as Social Category". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennyye nauki = Tambov University Review ser. Social Sciences* 2.3 (7) (2016): 66—70. (In Russian).
13. Frolov I. T., ed. *Philosophical Dictionary*. 7th ed., rev. and upd. Moscow: Respublika, 2001. 719 p. (In Russian).

Информация об авторе

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В. Н. Полецкова (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

Information about the author

Nikita N. Ravochkin — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor at the History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennyaya st., 28); Professor at the Educational Technologies Department, Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva st., 5).

Статья поступила в редакцию 14.11.2024.

The article was submitted 14.11.2024.